

История
одной
жизни

М И Х А И Л З О Щ Е Н К О

История

одной жизни

издательство писателей в ленинграде

На Беломорском канале

На Беломорском канале меня интересовали не те люди, которые, что ли, в силу случайности, или, как сказал один заключенный, — в силу «мусорных обстоятельств» стали правонарушителями.

Меня интересовали люди, которые сознательно строили свою жизнь на праздности, воровстве, обмане, грабежах и убийствах.

Вот к этим правонарушителям, к их перевоспитанию я стал присматриваться со всей внимательностью. Мне не хотелось тут ошибиться. Мне хотелось увидеть подлинные, но, может быть, скрытые чувства, желания и намерения этих людей.

В самом деле. А что подумали эти люди, когда после праздной жизни столкнулись с тяжелым, повседневным трудом?

Что они подумали, когда им стали говорить о новой жизни, о перевоспитании и о социализме?

И что они подумали о своей будущей карьере и о возможностях этой карьеры в нашей стране, где нет собственников и богатств и нет тех «блестящих» капиталистических отношений, которые создают, так сказать, изнанку жизни — грабежи, воровство и убийства — с тем, чтобы завладеть деньгами другого?

Заключенные

Скажу правду, я скептически подошел к вопросу перевоспитания. Я полагал, что эта знаменитая перековка людей возникла на единственном и основном мотиве — на желании выслужиться, на желании получить волю, блага и льготы.

Я должен сказать, что в общем счете я чрезвычайно ошибся. И я на самом деле увидел перестройку сознания, гордость строителей и удивительное изменение психики у многих заключенных.

Да, конечно, мне пришлось увидеть и более слабые стороны этого дела. Например, я долго разговаривал с одним профессионалом — карманным воров. Он, наговорив мне кучу пышных фраз о своей подлинной перестройке, под конец, жалко улыбнувшись, сказал, что по выходе на волю за ним, конечно, следует присмотреть, чтоб он не свихнулся снова.

Мне пришлось также увидеть у некоторых заключенных излишнюю суету перед начальством, подхалимство и лишние восторженные слова и восклицания перед силой власти, которая «как в сказке» переделывает людей и природу. За всем этим стояло лишь желание равнодушных, в сущности, людей выслужиться, желание быть замеченным, желание сделать карьеру. Человеческие свойства, достойные изучения не только в пределах лагеря.

Но эти люди не делают погоды ни в лагере, ни на воле, и о них речь между прочим.

В общем же счете, сколько мне удалось увидеть, ни один человек, прошедший суровую школу перевоспитания, не остался именно таким, как был.

Все почти, в той или иной мере, получили положительную перековку.

А если бы эта перековка сделала из всех правонарушителей идеальных людей, перо сатирика заржавело бы в дальнейшем от бездействия.

26 августа 1933 года

И вот, в те дни, когда я был на Беломорском канале, в одном из лагерей был устроен слет ударников этого строительства.

Это был самый удивительный митинг из всех, которые я когда-либо видел.

На эстраду выходили бывшие бандиты, воры, фармазоны и авантюристы и докладывали собранию о произведенных ими работах.

Но эти доклады не были сухими цифровыми отчетами. Это были необычайно красочные речи не только о своей теперешней работе, но и о своей прежней жизни, о прежних мытарствах и преступлениях.

Это были речи о перестройке всей своей жизни и о желании жить и работать по-новому.

Эти речи, при всей своей часто неграмотности и наивности звучали, как торжественные поэтические произведения. В них не было

ни капли фальши, или выдумки, или желания ослепить начальство силой своей перестройки.

Я запомнил фразу, которую несколько раз не без гордости и самолюбования повторял один бывший бандит: «И теперь вы все берите с меня пример».

Нет, тут не может быть и речи (в общем счете) о той хитрости и коварстве, на которые идут иной раз люди для достижения своих намерений. Я не увидел тут ни подневольности, ни даже преднамеренности. Тут было почти все подлинное и полноценное.

Товарищу Р.

И вот, среди этих удивительных ораторов и докладчиков, выступил человек лет сорока, с темным, обветренным лицом, высокий, крепкий, несколько лысый и, как мне показалось, необычайно мужественный и энергичный.

Он произнес речь о своей прошлой жизни, о заграничных скитаниях, о тюрьмах, в которых он сидел. И о том, что он тут сделал, и что с ним тут сделали, и что он намерен делать в дальнейшем.

Одна его фраза меня необычайно удивила. Он сказал: «Буржуазный профессор Ломброзо говорит, что мы, преступники, уже рождены преступниками. Какая чушь! Разве могут родиться преступниками? Мой отец, честный труженик, до сих пор работает. Моя мать — честная работница. А то, что случилось со мной, — я в этом раскаиваюсь и от этого окончательно уйду».

Этот человек был известный международ-

ный вор, фармазон и авантюрист, ныне получивший почетный значек за свою отличную и даже героическую работу на строительстве.

Этого человека звали — Абрам Исаакович.

Этот человек за несколько дней до своего выхода на волю написал свою биографию. И эту биографию дали мне для литературной обработки.

Его биография

Его удивительная жизнь, описанная им самим, необычайна.

В самом деле — он вор и авантюрист. Он в течение двадцати лет ежедневно рискует своей головой.

Он шесть лет живет за границей. За ним охотятся европейские сыщики. Он бежит из России в Грецию, из Греции в Египет, из Египта в Болгарию. Его воровская карьера необычайна. Но еще более необычайна перемена его жизни.

Его биографию, написанную небрежно и неумело, со многими литературными погрешностями, длиннотами и повторениями, нельзя было, к сожалению, печатать без больших исправлений. Исправлять же такого рода вещи, за которыми стоит подлинная жизнь, яркий язык улицы, непридуманные характеры и наивность человека, далекого от литературы, — задача необычайной трудности.

Есть такая замечательная книга — «Жизнь Бенвенуто Челлини», написанная им самим.

Эта книга столь хороша, что ее можно считать в первом десятке лучших мировых книг.

А между тем книга эта написана неумелой рукой и решительно без всякого знания литературных правил. И, быть может, этим она и особенно хороша.

Когда эту книгу Бенвенуто Челлини дали в свое время одному умному человеку для того, чтобы он подправил ее для печати, он сказал: «Я отказываюсь «причесывать» эту книгу. Этим ее можно только испортить».

И эта замечательная книга, наивная и неграмотная, была напечатана без исправлений.

Нет, я не хочу сказать, что именно то же можно сделать с биографией Р—а.

Тут несколько иное дело. Тут композиция вещи сложна и запутана, и читателю было бы трудно следить за событиями. Тут была мертвая ткань, которую надо было оживить дыханием литературного мастерства.

Я «причесал» эту рукопись. Но я сделал это как бы рукой самого автора. Я сохранил его язык, его стиль, его незнание литературы и собственный его характер. Это была почти что ювелирная работа.

Такого рода работы мне приходилось и раньше делать. Это всегда требовало опытной руки и особого, почти актерского, умения чувствовать все свойства автора.

Итак, вот эта удивительная история жизни человека, написанная им самим и, так сказать, «обведенная» моей рукой.

Детство

Я, Абрам Исаакович, родился в Тифлисе. Мне сейчас 40 лет.

Мой отец служил рабочим у своего брата. Брат был богатый человек, а отец ничего не имел и почтительно величал своего младшего брата — Давид Исаакович.

А у отца было пять сыновей и две дочери. А самый старший был я.

Мать отдала меня в Еврейское благотворительное общество, где учили бесплатно. Это было в своем роде шикарное училище, где давали ученикам на завтрак пирожки, кипяченое молоко, булки и даже по временам сосиски.

А когда я приходил домой, то дома часто не было никакой еды.

Мой отец, игрок по натуре, все дни проводил за домино и вдребезги проигрывался. А у матери были мелкие детишки, и ей было

тяжело жить и даже она страдала от такой жизни, видя полуголодную семью.

А брат отца, то-есть мой дядя, не знал никаких лишений и забот, и его дети ежедневно жрали виноград и яблоки.

А я на них смотрел и облизывался.

Тогда, чувствуя себя обиженным судьбой, я стал в школе таскать книги и учебники и продавал их букинисту. А на эти деньги тоже покупал себе лакомства. И, делая так, я думал: не беспокойтесь, я свое возьму.

Но вот меня заметили в этом некрасивом деле. И вот позвали мою мать и так сказали ей:

— Нехорошими делами занимается ваш сын. Возьмите, знаете, его из нашей школы.

После этого отец бил меня палкой, а мать кричала: «Он больше не будет».

И вот я перестал ходить в школу. И я стал ходить по базарам. И видел там все, что можно было видеть: и как занимаются аферами, и как продают краденые вещи, и что делают люди, чтобы себе заработать на пропитание и на лучшую жизнь, чем они имели.

Первые аферы

И вот тогда, мальчишкой лет 14, я пошел по торной дорожке.

Там на базаре я сблизился с одним человеком. Его звали Аюп. Он мне дал позолоченные часы и такой же браслет и велел это продать, как будто это было краденое. А сам он сделал вид, что он тоже хочет это купить, но торгуется. А какой-то жадный болван, увидев это, купил у меня и был очень рад.

После этой удачи мне стали поручать такие же аферы. И я это делал, но в награду получал пустяки. И мне говорили: молчи, или мы тебя побьем, а то и попросту умертвим.

Один раз меня арестовали, но, зная дядину фирму, никто не поверил, что я занимаюсь такими делами. А мировой судья, князь Церетелли, кажется, поверил, но посмеялся надо мной, говоря, что я такой маленький, и уже так нахально и смело обманываю людей. И тогда меня отпустили.

Но потом меня вскоре поймали за другое дело.

Я одному полковнику продал «золотые» часы за сорок рублей. А он мне сказал: «Если будет еще — приноси всякий раз».

Но когда увидел, что это за часы, ужасно рассердился и заявил в полицию.

И вот тогда меня поймали и дали полтора месяца тюремного заключения.

Отец не ходил ко мне на свидания, а мать ходила. Она меня очень любила и страдала, что я сижу.

А когда меня выпустили, случилось так, что я сразу опять попался на этом деле. Мне дали опять полтора месяца.

А когда по выходе в третий раз попался, меня по закону, как рецидивиста, отвели в окружной суд.

И там мне дали шесть месяцев тюрьмы. Я думал, что мне не повезло, что я так часто попадаюсь, но мне сказали — это вполне нормальное явление.

Первая любовь

А я был очень расторопный и всегда многим нравился, и меня в тюрьме взяли в аптеку — разносить лекарства.

А когда я разносил по камерам лекарства, я познакомился с одной интересной девушкой, красавицей.

Она там же в тюрьме сидела по таким же приблизительно делам, как и я.

Она была воровка. Она работала по магазинам. Она была «городушница».

Она в меня влюбилась с первого взгляда и написала мне записку о своей любви.

Она была казачка. Из Кубани. Ее звали Мария Корниенко. И она была так хороша собой, что все на нее глядели и все удивлялись, какие бывают женщины.

А у нас завязался роман, но мне оставалось сроку до выхода месяц, а ей четыре месяца.

И мы с ней условились, что я буду ее ожидать во что бы то ни стало.

И вот я вышел на свободу и снова стал заниматься этими делами.

Я очень любил Марию. И зарабатывал больше, чем всегда. И я ей покупал такие передачи на 20 и 30 рублей, что вез все это ей в тюрьму на фаэтоне. И все удивлялись, как это я так много ей вожу.

Я одевался очень хорошо, был очень интересный, денег имел много и передачи были такие, что она незаметно мною сильно увлеклась и страшно боялась, что я ее обману и не буду ее ждать.

Но я ее так полюбил, что ждал целых три месяца.

И вот она освободилась, вышла на свободу, и мы с ней стали жить как муж и жена.

Расплата

Но я тогда скрывался от военной службы (была германская война) и жил на «нелегальном» положении.

А мой отец, этот странный человек, пошедший против своего сына, заявил в полицию, где я.

Меня схватили, но я убежал. И жил с Марией, платя бешеные деньги за то, чтоб нас скрывали.

И, несмотря на это, мы с Марией занимались теми же аферами, что и всегда.

Но меня поймали с делом и отправили в Кутаис. Я снова убежал. И мы стали гастролировать с Марией и зарабатывать большие деньги.

А я тогда ходил в солдатской шинели и все думали, что, если я продаю, то продаю краденое. Все покупали, и мы с Марией жили очень хорошо. Я помогал своей матери. Я не

отказывал своей матери ни в чем. И Марии тоже ни в чем не отказывал.

Но я попался на пустом деле. Я ходил в солдатской форме и не отдал чести одному фельдфебелю. А он меня так ударил по морде, что я закачался на своих ногах.

А потом он меня арестовал и отправил к коменданту. А там все выяснилось, кто такой я, и почему я в форме, и чем занимаюсь.

Меня отдали военно-полевому суду. И я одиннадцать месяцев сидел до суда в заключении.

Одиннадцать месяцев я просидел в тюрьме и не знал, какая участь мне готовится.

Тут Мария, страдая за меня и вспоминая мои передачи, стала мне носить много всего. Нет, она, конечно, меня в этом не перекрыла, но я тогда оценил ее достоинство.

Она была магазинная воровка. И теперь, любя меня, шла на всякое преступление, только бы снабжать меня всем, что я хотел.

Но вот состоялся суд. И меня присудили к каторжным работам на восемь лет.

Моя мать упала на суде в обморок, а Мария так рыдала, что у меня буквально оставалось сердце.

Меня отвели в отдельную комнату и при-

вели туда этих двух дам, чтоб я с ними попрощался в последний раз.

И туда же почему-то пришел поп и уговаривал мою мать не плакать и дал мне несколько бутербродов, чтоб я закусил. Но я не взял эти бутерброды, потому что какие там могут быть бутерброды в такое время.

Избавление

Тогда Мария, уверенная в своей красоте, пошла к кавалерийскому генералу. Она встала перед ним на колени и сказала, кто она и кто я и что ей хотелось бы.

Она сказала:

— Он пойдет на позицию и искупит свою вину. Он снова заслужит свою честь.

А генерал ей сказал:

— Я на тебя удивляюсь. Ты казачка, а так удивительно просишь за жида. Хорошо, я постараюсь для тебя что-нибудь сделать.

Но он не сделал ничего, а на меня надели кандалы, и я стал дожидаться отправки и своей горькой участи.

Но тут вдруг наступил переворот.

Наступила наша февральская революция.

Я вдруг слышу — ломают цепи и все кричат.

Нас выпустили всех на двор. И все кричали и бросали цепи на забор.

И тогда я взял топор, разрубил к чорту свои кандалы и тоже повесил их на забор.

И тогда пришел какой-то человек в форме и сказал:

— Что вы делаете? Почему вы тут сидите? Даже кто сидел в городской тюрьме двадцать лет — и то все уже ушли. И ничего не дожидаются, вроде вас.

И мы хотели уйти, но вдруг приехал председатель исполкома и сказал:

— Подождите. Я отправил телеграмму Керенскому. И он завтра даст ответ, что с вами делать.

Тогда мы устроили митинг.

И мы дали Временному правительству обещание — не заниматься больше этими делами. Мы сказали:

— Нас может на это толкал царизм. Но раз этого нету, то мы согласны заняться мирным трудом. И мы заверяем Временное правительство, что мы не вернемся больше к своему прошлому, которое мы клеймим позором и от него отказываемся.

И тут, как нарочно, снова приезжает председатель исполкома и говорит:

— Вот она телеграмма от Керенского. Вы все

свободны. Можете уходить. А я в вас уверен, как в самом себе.

И мы ему сказали: постараемся.

А когда я пришел домой, то вы можете себе представить, сколько было радости. Моя мама упала в обморок от счастья, и я боялся, что она умрет. А Мария и все друзья собрались, как на свадьбу. Были нежные речи. На столе стоял самовар. И мы все сидели и удивлялись превратностям жизни.

Все по старому

Нет, революция не произвела на меня впечатления. И я к своему делу не остыл.

Да, конечно, я дал Временному правительству обещание не возвращаться к старому — но что ж из того? Мне надо было самому о себе заботиться.

И я снова стал продавать камни за бриллианты и медь за золото.

Я стал большим мастером в этом деле и сам удивлялся, как это случилось, и как чисто я веду свою работу.

Я стал иметь большие деньги, стал поигрывать в картишки и так далее, стал выпивать и не чуждался никаких земных удовольствий. А моя жена Мария была все равно как пьяная — так она меня любила и так она не замечала ничего.

А у нас в это время были в Грузии меньшевики.

Жена моя чудесно одевалась, и мы жили на Армянском базаре.

А в нее влюбился один национальный гвардеец Вассо.

Он ей сказал:

— Знаешь, я решил твоего афериста убить во что бы то ни стало. И тогда ты непременно будешь моей. Я положил конец твоей прежней жизни.

И вот, я сижу как-то в ресторане и вдруг прибегает Мария. И я вижу — она до крайности встревожена. Она взволнована, и боится, и так мне отвечает:

— Пойдем скорее, душка. Вассо сегодня хочет тебя непременно убить. Он тебя ищет. Он мне поклялся тебя застрелить.

Я говорю:

— Иди домой, а я вслед за тобой приду.

Она говорит:

— Только поскорей. Я имею тревожное предчувствие.

И сама уходит.

И вдруг входит Вассо. У него тут винтовка, тут маузер, и тут холодное оружие. И он лицо имеет такое неприятное, что я содрогаюсь от своей участи.

Он садится напротив меня. Он кладет свой

маузер на стол. И вешает винтовку на спинку стула. И он так мне говорит:

— А вчера мы до чорта расстреливали вашего брата.

А тогда мне случилось все равно. Я был подвыпивши. Я был немного под мухой. Меня вдруг оскорбили его слова. Я ударяю кулаком по столу и так ему отвечаю:

— Вы, черти, палачи — вот кто вы есть такие! Вы любите людей убивать. Вы есть гады своей страны и своего времени.

Вот он страшно закричал, схватил свой маузер и выстрелил в меня, но я вдруг вскочил на окно и прыгнул вниз.

И вот я прибежал домой.

Мы взяли поскорей с Марией кое-что и шли две станции пешком. Потом мы взяли билеты и поехали в Батум.

А Вассо, как я узнал после, прибежал на вокзал и там стрелял в мирных жителей.

А в Батуме у нас была большая работа. Там у меня были подкуплены агенты уголовного розыска — тов. Рица и армянин Самсон и также еще один грек и, кроме того, начальник уголовного розыска Тоненберг. А также я был в контакте с начальником милиции

и делился с ним деньгами. И я еще платил кое-что участковым приставам.

Я безнаказанно делал преступления, всем им хорошо платил и никогда не сидел, и они передо мной заискивали.

А жил я тогда у своего маленького брата и там же была крошечная сестра, которая сейчас врач. Она сейчас доктор медицины.

Я жил тогда очень хорошо. Вся комната у меня была в коврах, и стояли цветы, и лучшая еда у меня не сходила со стола. И чего — чего у меня тогда не было.

Поездка за границу

А в это время англичане решили передать Батум грузинам.

А мне знакомые сказали, что Вассо меня ищет, он разгромил к чорту всю мою квартиру в Тифлисе и сейчас хочет приехать в Батум, чтобы со мной рассчитаться.

Вот тогда я пришел в английское управление и к оккупационному командованию, взял паспорт для себя и для Марии, и вскоре мы отбыли в Турцию, в Константинополь.

Но там у нас, за границей, дела пошли сложнее. Денег у меня не было, только были ковры. И в смысле заработков произошла заминка.

А моя жена Мария была магазинная воровка, и в это время она меня сильно выручила своим международным делом.

Она ходила по магазинам и воровала материи. Она чудно одевалась, была очень кра-

сивая собой, и ей никто не решался ничего сказать, даже если видели что-нибудь похожее. Она была удивительно красивая — трудно даже описать — что ротик, что глазки, что ножки. На нее турки глядели и говорили: «О!»

Но вот вскоре приехали в Константинополь наши ребята из Тифлиса и Кутаиса. И тогда мы решили снова продавать камни за бриллианты.

Я сказал: — Они подумают, что мы нагребали в России, и нам все поверят.

И вот мы стали прилично зарабатывать.

И я снова стал заниматься алкоголем, стал посещать шантаны, играть в карты и трепаться с шансонетками. Меня увлекала затрапичная жизнь, которой я раньше не видел. А Мария плакала от этих дел и сказала, что она от меня уйдет, если я буду вести себя по-прежнему.

Но я не обращал на нее внимания. Я все равно как с ума сошел от новой заграничной жизни.

Новые аресты

Мы тогда очень хорошо зарабатывали. Ихние агенты уголовного розыска нас отлично знали. Мы им порядочно платили, и они нас не трогали. Они были большие взяточники и любители денег.

Но ихний шеф полиции про это узнал. Он арестовал одного своего агента. А нас велел поймать во что бы то ни стало.

И вот нас, меня и двоих моих приятелей, Мишку Антошвили и Пашку Казанцева, вскоре поймали и отвели в ихний мудриет, то-есть в уголовный розыск.

Но мы сумели откупиться на этот раз. Мы дали следователю денег и бриллиантов.

А этот следователь был из греков. Ужасный арап и очень жадный до удовольствий человек.

Мы этому прохвосту дали бриллианты, но ему все было мало. Он вдруг захотел, чтоб

мы еще познакомили его с нашими женами.

А у Пашки Казанцева жена была действительно ничего себе. И моя — уж и говорить нечего.

А следовательно люди сказали, что наши жены очень хороши. Особенно Мария. Вот он и решил с ними познакомиться.

Он сказал: бриллианты — это бриллианты, а это само с собой.

Но мы сказали — пускай он нас выпустит, а там посмотрим и, наверное, познакомим.

Но он сказал:

— Вы забудете. А мне надо сейчас.

Тогда мы через одного нашего друга познакомили его с двумя хорошенькими шансонетками. Мы их подкупили хорошо и сказали греку: вот это наши жены. И хотя у него явились сомнения (тем более, он два раза видел Марию), но, как жадный до удовольствий человек, он загорелся погулять с ними. Ему было, конечно, безразлично с кем. Он только справлял свое самолюбие и потому велел знакомить себя только с женами.

И вот нас после этого выпустили.

И тогда мы снова стали заниматься бриллиантами.

Но тут вскоре произошел с нами неудачный случай.

Мы тогда сделали аферу. Мы взяли у одного турка настоящие бриллианты как бы посмотреть, а дали ему поддельные.

Дурак-турок стал на нас кричать, и нас арестовали и передали в Крокер-отель — в ихний оккупационный суд.

Этот дурак-турок сам пришел туда и своими безобразными криками поднял на ноги все высшее командование.

Он кричал, что мы взяли у него настоящие камни и что он ничего подобного не видел в своей жизни. И он требовал, чтоб мы отдали ему. (А камней у нас уже не было.)

Судьи прямо со смеху умирали. Они говорили:

— Зачем же ты, дурак, отдал им свои бриллианты? Вот чего мы никак не понимаем.

Он говорит:

— Они попросили полюбоваться игрой этих камней. А мне это было приятно. И я им отдал.

Судьи до того смеялись над ним, что некоторые прямо со стульев падали. И даже, довольные таким смехом, решили нас отпустить.

Но тут как на зло оказалось, что мы были уж тут зарегистрированы.

Они очень рассердились, когда из бумаг узнали, что я такой аферист. Они на меня кричали и топали ногами. И они не стали больше смеяться над турком, а сразу присудили нас к шести месяцам каторжных работ и к четырёмстам лир штрафа. А кто не заплатит штраф, тот пускай ещё сидит полгода.

Но потом судьи опять стали смеяться, и я даже подумал, что они пошутили насчет каторжных работ. Но оказалось совсем иначе.

В английской тюрьме

Меня одного отправили на Багдадскую железную дорогу на станцию Бостанжик. Там была ихняя оккупационная тюрьма.

И вот в этой тюрьме я просидел больше чем полгода.

Я был отрезан от всего мира. С Марией я виделся в последний раз перед судом. Она мне сказала:

— Если бы ты слушался меня, ничего подобного не случилось бы.

Я спросил ее:

— А будешь ли ты меня дожидаться?

Она сказала:

— Я так думаю, наверное, буду. Но не знаю в точности.

И вот я больше чем полгода сижу в английской тюрьме. И ни про кого ничего не знаю.

Мне было там очень тяжело сидеть.

Говорить, конечно, нельзя, курить нельзя. Камера одиночная. И во всем такая строгость, что вы, наверное, удивитесь.

Все делалось по команде. А если что не сделал — бьют боксом и в рыло, и в живот и лишают завтрака, или там кофе, или варенья, или еще чего-нибудь.

Сразу как меня привели в тюрьму, мне дали такой листочек, как меню. Там были написаны все правила тюрьмы. И переводчик мне эти правила прочел. Хотя я и сам понимал по-английски.

Мне дали жестянку с номером. И сказали, что фамилии у меня теперь нету и нету имени, а есть номер, вроде как у собаки — 1028.

И посадили в одиночку.

А до звонка там садиться нельзя было. А надо было стоять. А когда был звонок, то надо было ложиться, а стоять уже было нельзя. И я до сих пор не понимаю, как это у них бывает.

Еды давали мало, но она была довольно приличная на вкус. Но прикупать нельзя было, как, например, у нас. И вообще там хоть миллион имейте — никто передачи не дает. У них почему-то этого нету. И мне от

это было скучно сидеть. Я не видел ничьей заботы.

К работе они относились строго. Им надо было катить вал по дорожкам — утрамбовывать, или бить щебенку. А если кто плохо делал — сержант подходил и давал хорошего бокса.

Но потом мне переменили работу. Я понравился англичанам и меня назначили шефом прачешной.

Вот там я имел большой авторитет среди англичан. Я был хорошим исполнителем, и англичане удивлялись, какое отличное белье им выдают после стирки. Нет, я сам не стирал, но я распоряжался этим делом.

Капралы и сержанты давали, чтоб мы постирали белье, и за это иной раз давали нам бутерброды. Это несколько скрашивало нашу жизнь.

Но вот на воле товарищи узнали, где я сижу, заплатили за меня штраф (иначе мне пришлось бы сидеть еще 4 месяца), и меня, наконец, выпустили.

Да, я вздохнул свободно, когда вышел из тюрьмы. Я удивился, какой хороший мир вокруг и как мне все нравится и какие надежды я еще имею.

Большая беда

Я вышел на свободу, но решил пока в Константинополь не ехать.

Мне хотелось заработать получше, чтоб явиться к Марии не с пустыми руками.

А я тогда стал уже о ней снова тосковать. И мне захотелось ее удивить чем-нибудь особенным.

Я тогда смотался ненадолго в Болгарию. Вот страна, где довольно трудно работать. Там сами многое понимают и не так доверчивы к бриллиантам. Но я там все-таки подходяще заработал и поехал поскорей обратно в Турцию, в Константинополь.

Вот я туда приехал. Прихожу домой. И хочу Марию увидеть. Но хозяйка говорит: — А ваша комната заперта.

У меня буквально задохнулось сердце, и я отвечаю:

— А, скажите, где же Мария?

Она говорит:

— Я впрочем не знаю.

Тогда я, чем попало, открываю свою комнату. Я захожу туда. Я вижу — на столе лежит письмо. Я беру это письмо. И вижу — это мне пишет Мария.

Она пишет мне письмо:

«Душка, я сегодня уезжаю на пароходе «Сицилия». А ты меня не ищи — все равно безрезультатно, не найдешь. Я из-за тебя много страдала и теперь я уезжаю неизвестно куда. А к старому возврату нет».

Тут я начинаю понимать, что она меня обокрала.

Тогда я сразу раскрываю шкафы, гардеробы и мои чемоданы. Меня интересует знать, что именно она у меня украла.

Но вот я вижу — все лежит на месте и все не тронуто. Все лежит, как и лежало, и это было так удивительно, что я содрогнулся от своих мыслей.

Я тогда все перерыл. Нет, я вижу — она взяла только свое, а моего она ничего не тронула. И только она взяла себе часть денег, а часть денег она мне оставила. И на пачку этих денег в шкафу она положила пресс-папье. Она этим, наверно, хотела сказать, что эти деньги она оставила не случайно и что она

совсем не позабыла о них, а, напротив, она мне их оставила на тот случай, когда я вернусь из тюрьмы.

И тогда я снова удивился, как она меня любит. Она едет на пароходе и в последний раз так обо мне заботится. Это меня тронуло до глубины слез. У меня слезы появились на глазах. И я только и мог сказать: «Казачка... Мария Корниенко...»

И потом я подумал: вот какая бывает женская любовь.

Ведь другая на ее месте непременно взяла бы все. Все-таки она очень меня любила.

И для меня это была очень большая потеря и большое сострадание, что Мария от меня уехала. Она бросила меня. Но она меня так бросила, как я желаю всем мужчинам, чтоб их так бросали.

У нас это бывает в преступном мире.

Тоездка в Болгарню

Я тогда начал пьянствовать. Я сильно пил тогда. Я ходил по кабаре. Но ничего меня тогда не трогало и не увлекало.

Днем я работал по своим делам, а ночью пил и слушал пенье и пляски шансонеток.

И тогда моя любимая песня была: «Мы сегодня расстались с тобою без ненужных рыданий и слез».

И когда я входил в ресторан — все знакомые пели мне хором эту песню, и у меня слезы показывались на глазах.

Эту песню я и сейчас не могу слушать без содрогания.

А я тогда был интересный, и все женщины на меня глядели и делали мне предложения.

Но я шансонеток почему-то не любил и ни с кем не сходил.

И вот я прогулял все деньги и вскоре

с одним близким другом поехал в Болгарию, в Софию.

Тут много было разных дел. Были большие продажи и аферы. Были разные немыслимые дела, от которых вы, наверное, удивитесь, если вам рассказать. Там меня как-то раз приняли за большевика. Меня избили ногами и посадили в тюрьму. Но я откупился.

Там меня несколько раз арестовывали, но я освобождался. За мной ходили по пятам сыщики, но я ускользал от них.

Один раз меня после одного дела поймали и даже надели на меня наручники. Но я сказал конвоиру:

— Подумаешь, сколько делов... Грабим буржуев... Только и всего... А мы эмигранты, и нам надо жить. Войдите в наше положение.

И вот я уговорил его снять с меня наручники. А потом, когда он снял, я взял и убежал.

После многих дел я порядочно заработал, но у меня не было интереса копить большие деньги, и я все однажды проиграл в казино.

На гостиница

И вот тут начались мои странствования по разным странам.

Мелькают разные города и разные люди. Проходят месяцы и годы. И дело приближается к 1925 году. Я приезжаю то туда, то сюда. Везде делаю деньги. Снова уезжаю. И за мной сыщики ходят. И вся полиция в смятении следит за мной. И я насторожившись ожидаю — что-то будет.

И вот действительно меня вскоре арестовывают. Меня арестовывают в Болгарии. И там у них меня бросают в тюрьму.

В Болгарии, в Софии, я сижу год в тюрьме. Меня там нещадно бьют хлыстами, прикладами и резиновыми палками, до того, что я теряю свое сознание. Меня там бьют, как вора, и как еврея, и как международного афериста.

Но потом, через полтора, я освобождаюсь.

Я уезжаю из Софии. Я приезжаю в Грецию. Я там гастролирую. Там меня арестовывают, но я убегаю. Меня арестовывают снова, но я откупаюсь.

Я еду в Яффу. И там занимаюсь разными темными делами.

Потом, в одно прекрасное утро, я неожиданно еду в Египет, в прекрасный город Александрию. Тем более мне давно про этот город говорили, будто там могут завариться хорошие дела.

И вот я на пароходе приезжаю в Александрию.

Это город некрасивый. Он грязный. И хотя это Египет, но там я не нахожу ничего египетского. Это город пыльный, и душный, и мало интересный. И там шантаны не очень хороши. Это кабачки.

Но там у меня происходят большие дела. И как может быть иначе? Я уже говорю на восьми языках и знаю такие обстоятельства, какие никому неизвестны из людей моего круга. И я уже плаваю глубоко, но меня хочет проглотить каждая рыба. Но я с этим считаюсь и теперь всегда бываю недостигаем.

Но я не задумываюсь, что я делаю. И моя совесть чиста и неподкупна. Меня на это

толкает жизнь. И я не задумываюсь, кто я, и что я, и почему это бывает. Я об этом думаю сейчас, но тогда я об этом не думал. И когда встречал людей, я думал, что бы мне у них украсть. И мне тогда не было дела до никакой мировой солидарности.

И вот, в этом городе Александрии, я случайно встречаю одного своего близкого друга.

Он мне говорит:

— А знаешь, я видел твою жену в Каире. Она пила твое здоровье. Она была с другим. Поезжай туда, если хочешь.

У меня сердце остановилось от этих слов.

Он говорит:

— Что с тобой? Ты белый, как бумага.

Я говорю:

— Я сейчас в Каир не поеду. Я туда поеду, когда несколько успокоюсь от твоих слов. А если я сейчас поеду в Каир — я могу ее поранить. Я без нее не могу жить, а она может не согласиться. И я боюсь ее поранить, мне этого не хочется. Я лучше поеду на короткое время в Грецию, а когда я остыну, я приеду в Каир.

Он говорит:

— Ну, ладно. Поступай, как хочешь.

И вот, в одно прекрасное утро, я поехал

в Грецию, хотя мне и хотелось поехать в Каир. И у меня буквально грудь разрывалась от этого желания. Тем не менее, я сел на пароход и поехал в Грецию.

Неудача

И вот я еду в Грецию и думаю, что я хорошо делаю, что еду в Грецию — пройдет не больше месяца, я остыну и тогда из Греции махну в Каир.

А у меня тогда, после многих дел, нервы были натянуты до черта. Я тогда весь кипел негодованием и у меня на сердце было не очень спокойно. В таком виде были бы ужасные последствия, если бы я встретил Марию.

И вот я приехал в Грецию, в Афины.

Там я с одним другом сделал крупное дело. Я с ним обворовал один магазин в обеденный перерыв. Я взял Форд, и мы с моим другом на глазах у всех проходивших открыли магазин, нагрузили наш Форд шелком и безнаказанно уехали.

Мы разделили нашу добычу. Друг остался в Афинах, а я уехал в Пирей.

Я думал, что я пробуду в Пирее две недели и поеду в Каир, но я пробыл там меньше.

Там случилось такое дело, которое перевернуло мою жизнь.

Там я встретился с одним прохвостом. Это был отвратительный человек, подлец. Он был грузинский еврей. И я таких мерзавцев давно не видел. Я вообще не видал таких подлецов.

Он вообще славился тем, что не отдает деньги за товар.

Но я подумал: что за чушь, как это он мне может не отдать, хотел бы я посмотреть.

И тогда я дал ему три куска креп-де-шина.

А он мне, действительно, денег не принес.

Тогда я пошел его искать. А нервы у меня были натянуты.

Я нашел его в одном ресторане.

Он, мерзавец, играл в домино.

Он пил пиво и играл в домино.

Он играл с каким-то вроде него прохвостом. Они оба два мне сразу показались омерзительными.

Но я ему честно сказал, хотя меня разрывала злоба. Я ему сказал:

— Я пришел за деньгами. Как ты на это смотришь?

Он сказал:

— На счет денег ты лучше не тревожься.

Я тебе денег решил не давать. А ты ко мне не подходи с наскоком. Ты такой павлин, что если крикнешь, то полиция обрадуется твоему крику. Лучше уходи, а то тебя тут арестуют. И ты будешь сам не рад, что требуешь от меня деньги.

Но меня эти слова ударили по больному месту. И я был выпивши.

Я вдруг схватил наргиле и рассек ему к черту голову.

Он ушел, и все закричали.

А я бросился на лестницу. И когда снизу бежали люди, чтоб увидеть, что случилось, и кого задержать — я шел удивительно спокойно. И никто на меня не подумал.

Я вышел на улицу. И уж тут побежал в свою гостиницу.

Но там вдруг вижу полицейских. Это приехали за мной. Им дали знать, чтоб меня арестовали и что я чуть не убил человека.

Тогда я, не заходя в гостиницу, где у меня были все вещи, бросился назад.

Я пошел в порт, чтоб сесть на любой пароход и куда-нибудь уехать из этих мест.

А у меня с собой были небольшие деньги и документы. Что касается вещей, то какие могут быть вещи в таком положении?

Я спрашиваю про один пароход: куда он идет?

А мне говорят: «Он сейчас уходит в Яффу».

И вот я незаметным образом (а была ночь) взбираюсь через корму на этот пароход и прячусь за ящики.

И вот — я слышу — гудок. Пароход отходит. И тогда я спокойно выхожу и прогуливаюсь между публикой.

И вдруг я слышу русские речи! Что такое? Я слышу русский язык. Я слышу наши слова. И от этих слов у меня сердце останавливается. И вдруг я вижу — я еду на советском пароходе.

Я спрашиваю одного, что за пароход, на котором я еду. И он говорит: «Это советский пароход «Тобольск». Он едет в Яффу».

Тогда у меня отлегло на сердце. В Яффе, думаю, я непременно сойду.

Непредвиденное путешествие

Я думаю — доеду, в крайнем случае, до Яффы, раз он едет в Яффу, и там сойду.

Мы приезжаем в Яффу. Я хочу сойти, но меня полиция не пускает на берег.

Я показываю свой паспорт, но мне не верят. — Раз, говорят, ты едешь на советском судне, значит ты непременно сам советский. А нам, может быть, показываешь какую-нибудь там липу. Нас этими делами не удивишь.

Я говорю:

— Как это может быть?!

Но мне говорят:

— Не надо слов. Поезжайте дальше.

Я говорю им по-английски:

— Войдите в положение. Я буквально не могу ехать на этом пароходе.

Но они смеются и ни под каким видом меня не пускают.

Я тогда спрашиваю:

— А какая следующая пристань?

А мне говорят:

— Из Яффы мы поедем прямым ходом в Одессу.

И я тогда вижу, что создается такое положение, благодаря чему мне надо ехать в СССР.

Нет, я тогда мало знал, что это за страна Советов и с чем это кушают.

Я не задумывался о политике. Я делал свои дела, которые есть обыкновенные дела в других странах.

И совесть моя была чиста.

Я поехал в СССР.

Я опытный вор и мастер своего дела. Я думал — я ни в какой стране, где есть люди, не пропаду со своим мастерством.

И вот из Яффы мы поехали прямым ходом в Одессу.

Мы поехали в эту страну, где произошла социальная революция. Но я еще не знаю, что это такое. Я не знаю, как это бывает. Но мне раньше другие говорили, что нашему брату там находиться как будто не так уж хорошо.

Мы поехали в Одессу. И, можете предста-

вить, какие у меня были чувства и настроения.

Нет, я был даже рад и счастлив, что, наконец, увижу свою родину и поздороваюсь с друзьями, но неизвестность меня страшила.

Я тогда отдался в руки командованию на пароходе и сказал, кто я такой. Тем более, что я не люблю туману напускать.

Мне сказали:

— Поезжай в Одессу. Мы тебя передадим в ГПУ. А там разберутся, что ты за птица.

А в то время, можете себе представить, я не знал даже, что такое ГПУ.

И вот 9 января 1926 года мы приехали в Одессу.

Тестиром в СССР

В Одессе меня передали в ГПУ.

Там сказали:

— Может быть, ты шпион. Мы тебе дадим
58 статью, пункт 6.

Тогда я им рассказываю все, как есть.
Я им рассказываю почти абсолютно все.

И тогда меня везут в Тифлис для выясне-
ния личности.

Там, в Тифлисе, коллегия ГПУ дает мне
три года вольной высылки в Барабинский
округ в Сибири.

Я туда приезжаю и там живу.

Я там живу у портного.

И там чуть не женюсь на одной комсо-
молке В. Она мне понравилась. И я ей понрав-
вился.

А за ней ухаживал секретарь комсомоль-
ской ячейки.

Он пошел к прокурору и сказал: это не

дело, чтобы такие личности ухаживали за комсомолками. (Он думал, что я банкир, а не вор.)

Тогда прокурор отправил меня в Туруханский край, в Енисейский район, в село Назимово.

А секретаря ячейки тоже куда-то отправили. Я, впрочем, не знаю куда. Но он там не остался. И он не увидел этой В., как своих ушей.

Меня через год освободили. Я хотел поехать к этой В. Но мне стало известно, что она мне изменила.

И тогда я поехал на Кавказ. Я не поехал к ней. У нас, в преступном мире, — если не наша, так уж не наша.

Я приехал в Тифлис и стал заниматься старыми гешефтами.

А из Тифлиса, где мне не понравились мои дела, я отбыл в Батум.

Но и в Батуме я терпел неудачи. Я уже подумал, что счастье мне изменило, но увидел, что дело не в счастье, а в другом. Я не увидел прежних покупателей. И я не увидел такого прежнего рвения что-нибудь у меня купить. Нет, зарабатывать было можно: доверчивые дураки находились, но все это было не то и не то.

Я тогда из Батума уехал в Поти.

В Поти меня взяли за одно дело, и я там отбыл шестимесячное заключение.

После того я вернулся обратно в Тифлис и работал там год и ни разу не был арестован.

Однако работа шла довольно вяло. И особенно крупных дел я сделать не сумел.

Последнее дело

И вот наступил 1929 год.

Я живу в Тифлисе. И живет в Тифлисе такая одна дама, я вижу весьма интеллигентная и культурная. И она занимается проституцией. А я об этом не знаю. И она мне об этом, конечно, не говорит.

И вот я знакомлюсь с ней, как ни в чем не бывало. И у нас с ней завязывается роман. А по виду никак про нее это не скажешь.

Но это была такая абсолютная дрянь, такая, как бы сказать, непревзойденная личность во всей Европе, что вы удивитесь, если все это описать.

Это была в полной мере дрянь. Это была потерявшая свою совесть и свое достоинство дрянь, которой не место в нашем Союзе и в нашем будущем.

А я об этом ничего не знаю, и живу с ней, и она делает вид, что меня любит. А ей

нужны деньги и больше ничего. И у ней есть кот. А я об этом не знаю. Я доверчиво попадаюсь на ее удочку.

Она узнает от меня разные сведения обо мне и такие мои грешки, какие я бы и своей матери не сказал.

И вот тут я попадаю в исправительную тюрьму. Я попадаю за одно дело и мне дают год.

Но я там жил довольно прилично. Я имел свободное хождение. Носил посылки и делал поручения. Мне платили деньги, и я не мог особенно жаловаться.

А Полина (ее звали Полиной) часто приходила ко мне, брала у меня деньги. И я ей не отказывал.

Наконец, приходит моя мать и говорит: — Твоя Полина такая дрянь, что это удивительно. Она занимается проституцией. Ты ввел в наш дом разврат.

И мне товарищи стали говорить: — Как тебе не стыдно? Она давно уже проститутка. Или ты ослеп, что ничего не видишь?

И вот вскоре меня освободили. Мне зачли все рабочие дни, и я, немного побыв в тюрьме, освободился.

Я вернулся домой и говорю ей:

— Я тебе дам половину моих вещей и все деньги — только уезжай из Тифлиса. Я с тобой не могу жить под одним небом.

А она взяла деньги, отдала их своему коту и говорит:

— Я не уеду, мне и тут хорошо.

Тогда я беру ее за руку и говорю:

— Мы сейчас пойдем купим билеты, и ты уедешь.

И она говорит:

— Ладно, я поеду.

Я иду ей покупать билет, подхожу к вокзалу, и вдруг она начинает кричать:

— Вот идет бандит и вор. Вот, смотрите, идет международный аферист и жулик, которого надо расстрелять во что бы то ни стало.

Тут собирается толпа. Я говорю толпе:

— Расходитесь! Абсолютно ничего интересного нету. Это небольшая семейная ссора между мужем и женой.

Но она кричит:

— Это такой бандит и у него такие жуткие дела, что вы не можете себе представить. Мне, говорит, дурно делается от одного его вида. Все держите его, он сейчас убежит.

Тут приходят чекисты и забирают нас обоих с собой.

Она рассказывает все мои дела и все, чего она знает, и меня тогда отправляют в тюрьму. А ее освобождают.

И вот коллегия ЗакГПУ дает мне три года. А это было 29 апреля 1932 года.

На Беломорском канале

И вот, в апреле 1932 года, я был отправлен в распоряжение ГПУ на строительство Беломорско-балтийского канала.

Я с ужасом приехал в эти места. Мне казалось, что моя жизнь закончилась, что я тут пропаду и потеряюсь. И никогда не вернусь в Тифлис.

Мне тут очень не понравилось. И хотя была весна, но тут лежал снег. И природа была чахлая, и так мне было тут удивительно тяжело, что я не предвидел конца. И три года этой ссылки для меня казались тяжелей, чем все остальное на свете.

Меня отправили в седьмое отделение на разъезд Сосновицы. Это был первый лагерьный пункт.

И я приехал на этот пункт, как на кладбище. И тогда шел дождь, и деревья тут были маленькие, и даже травы не было, и

только торчали камни, и я думал, что я на этих камнях помру, не дождавшись новой участи.

И в таком моем огорчении меня отправили на скальные работы на шлюз № 14.

Там дробили и взрывали скалы, и работа была очень тяжелая.

И тем более — я никогда не работал и считал работу за преступление и за позор.

Я ковырялся первые дни и давал всего тридцать, а то и двадцать процентов.

А тут у нас был десятник Буфиус. Он немец. Он говорит:

— Ты до чего здоровый парень, а работать не можешь. Фу, как стыдно!

Но мне показалось это смешно, и я ему хорошо сказал. Я ему сказал:

— Работают дураки и лошади, а я не то и не это. А если ты настолько любишь работу, вот и поработай за меня. А я погляжу, какой ты дурак. А еще немец!

Вот он об этом сказал Тряскову. Такой был у нас прораб. Довольно энергичный человек.

Тот со мной потоворил, но все напрасно. Я его заругал и велел ему отойти от меня.

И вот так и шло дело. Я выбивал еле

тридцать процентов, чтобы не заснуть, и думал про Грецию и про свое прошлое, которое мне казалось волшебной сказкой.

Но тут как-то проходил наш начальник Сапронов. Вот десятник к нему подскочил и ему рассказал про меня, и он мне говорит: — Это странно. У нас все работают. У нас редко бывают такие отказы. У нас крайне спешное дело и это удивительно, что ты отказываешься. Наверное, ты чего-нибудь не понимаешь.

Вот он со мной говорит, а мне мало интереса его разговоры. Я ему говорю: — Я привык видеть сразу результаты своей работы, я работал для себя и за это видел улучшение своего быта. А тут я кого поражаю — я и сам не знаю. А что касается вас, то вы есть казенное начальство и вы говорите мне, что вам велят.

Вот он до крайности удивился моим словам и пошел к себе.

Разговор за чашкой чая

Вскоре приходит воспитатель Варламов. Он мне говорит:

— После работы зайди к Сапронову. Он с тобой хочет поговорить. Он удивляется на тебя.

Вот я прихожу к Сапронову. А у него приготовлен чай, лежит печенье, карамель, хорошие папиросы.

Я прихожу и про себя улыбаюсь. Думаю—принимает за маленького — на что хочет приобрести мое доверие.

Вот он садится со мной на стулья. Мы с ним много разговариваем. Он интересуется моим прошлым. И я ему все рассказываю. И он снова до крайности удивляется построению моей жизни.

И мы с ним пьем чай и едим печенье, и я вижу, что это приличный человек, с которым можно поговорить.

Он мне сказал:

— Вот ты везде побывал и везде видел, какая за границей воспитательная политика. Тебя крошили дубинками и били в морду. Но мы не за приличное отношение требуем работы. Да, конечно, у нас не рай. У нас трудно. Но если бы у нас был рай — к нам бы все стремились и делали бы преступления. Но мы этого не хотим. А мы требуем работы — мы работаем для себя, а не для капитала. И мы хотим, чтобы наша страна процветала.

Он мне дал папирос, и я пошел в свой барак и по дороге удивлялся новой моде в местах заключения.

На другой день, скорее из симпатии к нему, чем из чего другого, я выбил восемьдесят семь процентов.

Слово и дело

А на другой день проходит мимо нас начальник отделения Прохорский совместно с Сапроновым.

Прохорский говорит:

— Я тебя решительно не понимаю. Почему ты не хочешь работать? Разве мы для кого-нибудь постороннего стараемся? Мы работаем, чтоб в стране было лучше. А если будет лучше — и тебе будет лучше. Мы работаем для блага народа. Это общий интерес. Разве ты контр-революционер? По-моему, ты нам социально-близкий. Иди нам навстречу, а мы о тебе позаботимся. Будешь хорошо работать — и мы тебя досрочно освободим и дадим тебе такую специальность, которая лучше твоей, и такую квалификацию, что все двери откроются перед тобой, когда выйдешь на волю.

Вот он так говорил со мной, попрощался и ушел.

И я подумал: это прямо удивительно, пристали ко мне, как банные листья. Из вора хотят рабочего сделать.

Но вот вскоре, дня через три, прибегает воспитатель Варламов и говорит:

— Тебя снова просят Прохорский и Сапронов.

Вот я прихожу к ним. Разговариваем. Беседуем. Чай пьем. Кушаем печенье. Они стали мне говорить о новом государстве, где нету капиталистов и собственников. Они мне развернули картину труда и такой жизни, какая нам во сне не снилась.

И тогда я им говорю:

— Интересно, что воров не будет. Вот это интересно.

— Воров, они говорят, конечно, не будет, поскольку никому не надо будет красть. И у кого красть? Вор — это изнанка капитализма.

Мы много говорили тогда о том и о сем. Прохорский мне говорил, что я не прав, что теперь наступила другая жизнь и что ворам придется переквалифицироваться.

Это меня очень рассмешило, и я подумал, что если это так, то, действительно, надо поработать. Тем более, что я еще в Тифлисе чувствовал что-то не то.

И я ушел к себе и на другой день дал 140 процентов.

А кто работал на скальных работах, тот поймет, что это значит. Это значит чорт знает что.

А на другой день я дал опять 140.

Я начал работать. И потом думал о своей прежней жизни и о том, что я представляю из себя.

Нет, мне не было совестно, что я вор. Ну, я вор. Меня так направила жизнь. И Прохорский мне сам сказал — это изнанка жизни. Значит, я не виноват. И, значит, я буду виноват, если другая жизнь, а я ворую.

И постепенно совесть меня убивала. И мне самому хотелось работать без понукания. И я однажды дал 150 процентов.

И вся наша бригада стала давать больше 100 процентов. И мы были рады, когда это случилось. Мы ходили и радовались. И нам тогда стали в ларьке отпускать все, что нужно. И мне выписали хорошую одежду и сапоги.

И, увидев такое приятное, заботливое отношение к себе, я прямо готов был разбиться в лепешку, но все сделать, что нужно.

И я в бригаде тогда сказал:
— Давайте постараемся.

И все сказали:

— Да, конечно.

И мы работали, как черти, и нам некогда было подумать ни о чем. Но я иногда думал про Марию Корниенко. И у меня сердце останавливалось.

За работой

Да, мы тогда работали на совесть. Нам нельзя было не работать. Тут появились приказы тов. Фирина. Товарищ Фирин в своих приказах говорил, что к тридцатипятиникам, к соцвредам и женщинам должен быть наилучший, гуманнейший подход.

Нас не только ударить — нас за руку не смели потянуть. На нас замахнуться не имели права.

И если б товарищ Фирин увидел, что это не так, — горе тому начальнику, который не выполнил его приказание.

И мы от этих заботливых и любовных слов дошли до крайней степени настроения.

Да, мы тогда дали рекордные показатели. Мы дошли до 150 процентов.

Вы можете не поверить, но мы тачки бетом возили. Мы бежали с тачкой. Мы такие дела производили, что трудно описать. Тут каждый из нас наперерыв старался.

Мы увидели — это большое дело. Мы увидели, что это работа, а не бездушное дело, вроде, как дробить щебенку в оккупационной тюрьме.

Нас теперь цель преследовала. Мы желали цель поскорей увидеть. И при этом нас видели, замечали и мы имели заботу и уход.

Мы стали брать на буксир отстающих. Мы вели общественную работу.

А я стал членом производственной тройки.

И вот наша бригада оказалась лучшей, и нас перебросили на бетон. Нам там хотели дать хорошую квалификацию. И мы там это получили.

Мы там давали по 180 замесов. И сам про-
раб Мартынов обращал на нас внимание. И начальники Сапронов и Прохорский говорили: — Правильно делаешь. Мы на тебя пришли полюбоваться.

Философия нищеты

А в одно прекрасное утро пришли до меня эти начальники, Сапронов и Прохорский.

Они мне так любезно сказали:

— У нас произошел отказ со стороны тридцатипятников. Надо тебе пойти туда поговорить с ними. Надо, чтоб они вышли на работу. Там идет буза. У тех, которые не получили льготы к Октябрю.

Я пошел туда.

Там были в бараке собравшись тридцатипятники. Это были все головорезы, опытные воры, фармазоны и городушники.

Они меня на смех подняли, когда я к ним пришел.

Они сказали:

— Ты сперва сам филонил, а теперь с начальством ссучился. Валяй, уходи!

Я тогда им сказал:

— Дозвольте сказать два слова.

И некоторые сказали:

— Ну, говори. Только поскорей — нам спать надо. (А был день.)

И они лежали на нарах, задравши головы, и было видать, что их ничем не возьмешь.

И тогда я сказал:

— Господа, надо видеть социальные сдвиги. Мы есть воры, но, оказывается, этого вскоре у них не будет.

И тогда многие засмеялись и сказали:

— Как это так?

И я тогда встал на нары. (И они все заинтересовались.) И так им сказал:

— Мы тут собрались с вами одной семьей. Мы с вами делали одно многолетнее общее дело — мы грабили и воровали. И нас неразрывно связывало это кровное дело, а что касается меня, то я ни с кем не ссучился. Только я вижу такие перемены, благодаря чему я работаю и даже пришел сюда.

Они спросили:

— Какие перемены?

И тогда я сказал:

— Господа, нашему преступному миру пришел крах. Это надо видеть и понимать. Которые новички в этом деле — те пусть плавают в своих надеждах, а которые, как и я — те

бесконечно много понимают и это чувствуют. В нашем преступном мире произошел крах. Я не скажу за другие страны, но у нас это как будто бы. И если не сейчас, то, наверное, в скором времени.

И тогда некоторые сказали:

— Похоже на то.

А некоторые сказали:

— Нет.

И тогда я им развернул такую картину труда, что они ахнули.

— У кого же красть, — я сказал, — если богачей не будет и не будет у нас собственников.

И тогда они сказали:

— Если будет только беднота, а богачей не будет, тогда, тем не менее, будут воровать. А если будут все сравнительно богаты, а бедноты не будет — тогда, скорее всего, наступит в нашем преступном мире крах.

И тогда я сказал:

— Наверно так и будет. И мы должны иметь другую квалификацию. Мы обязаны поработать, и нам это в скором времени зачтется.

Нет, они в тот день на работу не пошли. Они пошумели, покричали и легли спать. А на другой день я опять с ними имел разговор. Я им сказал:

— Господа, давайте, будем работать.

А они сказали:

— А как это делается?

На третий день я - хотел попросить, чтоб нам дали чаю с печеньем, чтоб разговаривать, но до этого не дошло.

Они все вышли на работу и все захотели перековаться.

Повышение

И тогда меня назначили у них младшим воспитателем.

Я у них организовал шесть трудовых коллективов.

Мы работали на славу. И один мой коллектив в штурмовые дни давал 220 процентов. А другие меньше 120 процентов тоже не давали. И теперь они почти все досрочно освобождены.

И я в изоляторах стал иметь большой авторитет. Меня стали уважать массы.

Мне доверили смотреть за питанием лагерников. И я проводил работу среди нацменов и на кухнях я прекратил блат.

Мы читали газеты. Мы устроили кружок безбожников и занимались ликвидацией неграмотности.

Потом я был назначен комиссаром пятого участка и старшим воспитателем.

И всюду у меня люди работали, как львы, и ни до кого я пальцем не дотронулся.

А в настоящее время я шеф штрафного изолятора и инструктор К. В. Ч.

В настоящий момент, когда я пишу, мне осталось несколько дней до выхода.

Я пробыл в лагере полтора года. И я выхожу отсюда с таким сознанием, как будто у меня не было прошлого, а есть светлое будущее.

Последние известия

На этом заканчивается описание жизни Р—а.

Осенью 1933 года он был награжден почетным значком строителя канала. И свободным праздником выехал на строительство Волга—Москва.

Он пробыл месяц на этом строительстве и, как я на-днях узнал, взяв отпуск, выехал в Тифлис.

Ему хотелось поскорее повидать свою мать, которой он доставил так много огорчений.

И я представляю его чувства, с какими он ехал на родину, и тот трепет гордости и восторга, с каким он открывал дверь в свою комнату и сказал родным: «здравствуйте!»

И я представляю, какая была радость. Вероятно собрались все друзья. «Были нежные речи, на столе стоял самовар, и все вероятно удивлялись превратностям жизни».

И я представляю, с каким настроением товарищ Р. пошел на другой день прогуливаться по улицам Тифлиса. И быть может, в первый раз за двадцать лет он шел по улице со спокойным сердцем.

И я желаю вам, дорогой товарищ, успеха в новой вашей жизни и оправдания всех надежд.

А этот рассказ вы непременно пошлите в Каир казачке Марии Корниенко.

Все хорошо, что хорошо кончается

Итак, наш занимательный рассказ окончен.

Теперь попробуем ножом хирурга, так сказать, разрезать ткань поверхности.

Три предположения могут возникнуть у скептика, который привык сомневаться в человеческих чувствах.

Либо Р., прошедший огонь, воду и медные трубы, действительно изменил свое сознание и действительно перековался, столкнувшись с правильной системой воспитания.

Либо он сделал новую «аферу».

Либо он, будучи неглупым человеком, рассудив все, решил, что преступному миру, действительно, приходит крах и сейчас вору надо переквалифицироваться. Причем, если это так, то он сделал это не по моральным соображениям, а по соображениям необходимости.

Я кладу на весы своего профессионального умения разбираться в людях эти три предположения. И я делаю вывод: Р. благодаря правильному воспитанию изменил свою психику и перевоспитал свое сознание и при этом, конечно, учел изменения в нашей жизни. И в этом я так же уверен, как в самом себе. Иначе я мечтатель, наивный человек и простофиля. Вот грехи, которых у меня не было за всю мою жизнь

Вот за новую жизнь этого человека я бы поручился. Но я оговорюсь: я бы поручился только при наших некапиталистических условиях.

Я еще раз желаю успеха Р., и мне хочется ему сказать его же словами:

— Вашему преступному миру приходит крах.

Я хочу жить в такой стране, где двери не будут закрываться на замки и где будут позабыты печальные слова: грабеж, вор и убийство.

Ленинград.

Декабрь 1933

Содержание

На Беломорском канале	8
Заклученные	7
26 августа 1933 года	9
Товарищ Р.	11
Его биография	13
Детство	16
Первые аферы	18
Первая любовь	20
Расплата	22
Избавление	25
Все по-старому	28
Поездка за границу	32
Новые аферы	34
В английской тюрьме	38
Большая беда	41
Поездка в Болгарию	44
На гастролях	46
Неудача	50
Непредвиденное путешествие	54

Гастроли в СССР	57
Последнее дело	60
На Беломорском канале	64
Разговор за чашкой чая	67
Слово и дело	69
За работой	73
Философия нищеты	75
Повышение	79
Последние известия	81
Все хорошо, что хорошо кончается	83

№ 494

Отпечатано для Издательства Ииса-
телей в Ленинграде в типографии
им. Володарского, Ленинград, Фон-
танка, 57. В количестве 15600 экз.
Авт. л. 1.7. Заказ № 2200. Лектор-
ить № 11853. Переплет и супер-
обложка худ. М. Кирнарского. Сдано
в набор 11/V 1934 г. Подписано к пе-
чати 31/V 1934 г. Формат 62×94 см.
Тип. знак. в 1 печ. л. 19712 Бум.
л. 1³/₈. Порядковый № 57. Ответ-
ств. редактор М. Слонимский. Тех-
нический редактор Ал. Кукуричкина.

1934

Издательство просит читателей и библиотеки отзывы об этой книге присылать по адресу: Ленинград, внутри Гостинного двора, помещение № 122, Издательству писателей в Ленинграде